

К.Д.Гордович

ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАРДИНАЛЬНОГО ПОВОРОТА СУДЬБЫ ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (Е.ВОДОЛАЗКИН «БРИСБЕН»)

На примере романа Е.Водолазкина «Брисбен» прослеживается, как в современной прозе развивается традиция проверки героя внезапным кардинальным изменением судьбы. В произведениях классиков чаще всего испытание нравственных качеств героя осуществлялось на пороге смерти. Для героя Водолазкина жизненная катастрофа связана с болезнью Паркинсона — не смертельной, но не совместимой с профессиональными выступлениями гитариста-виртуоза. В развитии сюжета важную роль играет мотив смерти. Чередую дневниковые записи Глеба о сегодняшнем его состоянии с воспоминаниями о прошлом, автор дает возможность увидеть целый ряд серьезных поворотов судьбы, случившихся в разные моменты жизни героя. Для интерпретации как отдельных эпизодов, так и личности героя в целом самое важное — понимание. Понять же авторский замысел помогает выбор финала с уходом от конкретных решений и поступков к символу мечты, данному в названии романа и связанному с образом матери героя.

Ключевые слова: судьба, смерть, болезнь, проверка, испытание, понимание

Традиция проверки героя внезапным и резким изменением судьбы сложилась еще в античности. Классический пример в русской литературе XIX века — «Смерть Ивана Ильича» Л.Толстого. Известие о смертельной болезни меняет мировосприятие, влияет на поступки, отношение к людям.

Задача данной работы — посмотреть, как современные авторы используют подобную сюжетную коллизию для выявления особенностей личности героя. Выбор книги петербургского писателя Евгения Водолазкина — не случаен. В сюжетах трех главных его романов («Лавр», «Авиатор» и «Брисбен») решающее значение имеет кардинальное изменение судьбы героя. Остановимся на последнем.

Завязкой для развития сюжета служит случившийся в самом конце концерта гитариста-виртуоза Глеба Яновского сбой в его физическом состоянии: пальцы Глеба не смогли сделать нужных привычных движений. Он еще не понял, что это начало болезни Паркинсона. Слушатели вообще ничего не заметили. Но сигнал организма получен.

Дальнейшее повествование строится как чередование современных эпизодов, зафиксированных в дневнике героя, — об ухудшении состояния, о визитах к врачу, об отчаянии, о поисках выхода — и рассказов о прошлом — со слов Глеба записанных Нестором (писателем) для книги о нем, — о потрясениях, ярких впечатлениях, ошибках и открытиях в детстве, юности и во взрослой жизни. Что дает такое чередование тематически не связанных между собой эпизодов? С одной стороны, записи в дневнике позволяют читателю с напряжением следить за тем, что происходит с героем, как он справляется (или не справляется) со свалившейся на него бедой. В то же время эпизоды из прошлого помогают понять истоки характера и путь к успеху, на вершине которого случилась эта катастрофа. Болезнь Глеба — и это утверждение прозвучит в записях неоднократно — не смертельна, с ней можно жить, но для музыканта-виртуоза это, действительно, кардинальный поворот судьбы.

В самом начале — в разговоре Глеба в самолете со случайным попутчиком, оказавшимся писателем, о возможности написания книги — дается ключ к восприятию всех последующих записей. О музыканте Яновском уже есть книги, но в них нет понимания, нет связи музыки и человека. Попытка понять и определяет как задачу писателя, так и самого вспоминающего и переосмысляющего прошлое и приспособляющегося к настоящему героя книги. Эта задача, очевидно, стоит и перед читателем.

При том, что болезнь героя не угрожает жизни, одним из главных в книге оказывается мотив смерти. Он возникает не просто часто, но является ключевым.

Первое столкновение Глеба со смертью произошло в детстве, когда умерла соседка по коммунальной квартире, но оно не оставило следа, а запомнилось, может быть, потому, что отец, живший уже не с ними, на похороны Евдокии пришел. Зато второй случай — смерть девушки на пляже — стал серьезным потрясением. Может быть, в рассказе о переживаниях мальчика и «накручено» лишнего, к примеру, мысль о том, что «она и была его единственной любовью» [1, с. 119]. Однако, не вызывает сомнения, что это самое сильное переживание его отрочества.

Неоднократное возвращение к этому эпизоду свидетельствует о его значимости для мировосприятия Глеба. Мы узнаем о страхе смерти, оказавшемся толчком к уходу из музыкальной школы. Навсегда запомнилось мальчику рассуждение деда о связи смерти и вечности. Его переживания переводят в философский план и дедушка Мефодий, и священник в церкви, куда он приводит внука. Вместе им удастся без назиданий объяснить Глебу необходимость возвращения к музыке, которая тоже «напоминает о вечности» [1, с. 116].

Среди записей о прошлом рассказ о смерти не просто любящих Глеба бабушки и деда, но тех, кто его по настоящему понимал. И в этих рассказах звучит неизбывное чувство вины — не нашел нужных слов, отделался

внешней бравадой: «Впервые в жизни бабушка просила его о поддержке в самом, наверное, трудном деле, а он оставил ее наедине со смертью» [1, с. 200]. Не получился и последний разговор с дедом: «Как бестактно говорить с умирающим о будущем» [1, с. 399].

Рассказ о смерти отца и мамы дан в дневниковых записях. Видимо не случайно, что смерть отца, на похороны которого Глеб прилетел в Киев, во времени сопряжены с событиями майдана. Там на майдане перед поездкой на кладбище чуть не убили Глеба. Его спас один из организаторов — сын жены отца, но через несколько часов его самого убили. Значимо само по себе это нагнетание смертей. Глеб проводы отца воспринимает очень лично: «...между мною и смертью стоял отец. Был той первой шеренгой, которая гибнет в бою. Теперь эта шеренга — я» [1, с. 295]; «Неприятное ощущение, что покойник на этих похоронах — я» [1, с. 312]. Уход отца подтверждает его важное место в жизни сына при отсутствии и тесных контактов, и душевной теплоты.

О смерти мамы от руки бандитов рассказано без эмоций. Главное, что ее не нашли, и это дает возможность Глебу вообще не верить в ее смерть. Для его состояния это важно. Она, внешне такая далекая и живущая Бог знает где, поражала чуткостью и звонками в самые психологически трудные моменты. Единственная фраза Глеба на судебном процессе о том, что «он не считает свою мать умершей» [1, с. 410], а после этой «информации» последний образ из детства — обрыв, и он, ребенок, в руках мамы.

Самая страшная смерть, которую Глебу пришлось пережить, — это смерть Веры. Девочка, которую так хотелось спасти, которая готова была стать дочерью, такая талантливая, такая юная, — умирает во время операции. Все остальные мысли и переживания в эти долгие часы отодвинулись, остался страх, «страх, что руки этой девочки выскользнут из наших рук, и Вера, Вера, одинокая, отправится во тьму» [1, с. 377]. После рассказа о смерти Веры нет смысла продолжать разговор о жизни Глеба, его приспособлении к болезни. Но читатель понимает, что пережитое в эти часы операции останется навсегда и повлияет на его судьбу.

Переживания, связанные со смертью, особенно родных и близких людей, конечно очень важны для характеристики центрального героя книги, проверки его душевных качеств. Но все-таки решающее испытание для него — не смерть, а болезнь, болезнь не смертельная, но круто меняющая судьбу. Посмотрим, как Глеб проходит это испытание.

Как и в повести Л.Толстого, катастрофа застает героя не в преклонном возрасте, а в расцвете физических сил — Ивану Ильичу 45, Глебу 48. Толстой, проводя героя через физические и нравственные страдания, подводит его к пониманию окружающей лжи и осознанию того, что все, казавшееся приличным и приятным, тоже ложь и совсем «не то, что надо» [2, с. 95].

Героя Водолазкина логично сопоставить с другим персонажем русской классики — Николаем Степановичем из «Скудной истории» А.Чехова. Правда, творческие способности чеховского героя проявились не в искусстве, а в науке. Эти герои близки как люди состоявшиеся, талантливые, добившиеся успеха и признания. Николай Степанович знает о том, что ему осталось жить совсем немного. Он не пытается что-то изменить в своей жизни, но ее ощущение, оценка становится особенно острой и горькой. Автор, отдавая должное уму, способностям героя, его пониманию «отсутствия общей идеи», достаточно суров к нему. Не сумел Николай Степанович поддержать искренне преданную ему молодую женщину, найти нужные слова для нее. «Давай, Катя, завтракать» — реплика героя в чеховском тексте звучит как приговор ему. Что-то подобное происходит и в сюжете романа Водолазкина.

Серьезный срыв происходит достаточно быстро, еще до окончательного диагноза. Отчаяние так велико, что после одного из гастрольных концертов он срывается — много пьет, дико грубит жене и уезжает с проституткой. В сюжете этот эпизод будет иметь продолжение, прозвучат и слова о том, что и Глеб, и Катя хотели бы об этом забыть. Но — что было, то было.

Когда возникает в жизни Глеба Анна Лебедь — его первая любовь, ее больная дочь (та самая Вера), то кажется, что забота и необходимость участия отвлекут от собственных проблем. Однако оказывается, что это переключение не выручает. Вспомним разговор Глеба с мудрым стариком: «Начните кому-нибудь помогать, и это будет помощью вам самому. В мире есть люди, которым намного хуже, чем вам. — Начал. — Легче? — Гораздо тяжелее» [1, с. 344].

Даже возможность совместного творчества (свои концерты Глеб уже отменил), подготовка к концерту с участием Веры — не только радость, но и страх. Автор заставляет Глеба признать, что маленькая Вера, положение которой несравненно хуже, держится значительно лучше, чем он, перед лицом судьбы.

Чтобы лучше понять героя, стоит обратить внимание на его прошлое (не зря же главы чередуются). Оказывается, поворотов, и достаточно серьезных в его жизни было много, они всегда были неожиданными, правда, ничем не грозили ни здоровью, ни возможности добиваться успеха в образовании или профессиональной деятельности. Еще в детстве таким «поворотом» был внезапный уход из музыкальной школы. Поскольку вспоминается об этом спустя годы, то подчеркивается, насколько этот уход (перерыв) в дальнейшем пошел на пользу.

Следующий кардинальный поворот связан с выбором вуза — почему-то поступает не музыкальный, а на филологический. В процессе погружения в словесность, знакомства с работами Бахтина найдет Глеб интересное для себя и все-таки связанное с музыкой, в частности, полифонию. Конечно, годы учебы на филфаке не прошли даром, но ни в филологии, ни в работе в школе Глеб не нашел себя. Об этом свидетельствует и его определенная беспомощность перед каверзными вопросами старшеклассников, и вообще «усталость» от школы, несмотря на некоторые успехи.

Еще один жизненный поворот — его вступление в квартет — привлекла не сама музыка (не тот там был уровень), но зарплата, в пятнадцать раз превосходящая школьную. Никаких творческих иллюзий не было, воспринимал как «эпизод».

Серьезным испытанием оказалась и эмиграция в Германию на родину жены. Конечно, помощь дяди Курта и философский колледиум на какое-то время решили и материальные и профессиональные проблемы. Но, как и в предшествующих ситуациях, через которые проведен герой, он скорее приспосабливается к обстоятельствам, но не становится хозяином положения, не находит своего настоящего места.

Настоящее оказывается связано с творчеством, с музыкой. При этом мы из воспоминаний Глеба, записанных Нестором, достаточно много узнаем о том, что этому предшествовало, о пути к успеху, о репетициях, концертах, признании практически ничего не рассказано. Эти достижения и вершины важны лишь для усиления впечатления от той беды, которая случилась. Несмотря на то, что в тексте прозвучит утверждение о «хорошем запасе прочности» [1, с. 154] и рядом с ним преданная Катя, заверяющая, что «мы все переживем вместе» [1, с. 131], Глеб далеко не всегда оказывается «на уровне» и заранее пасует от страха будущей беспомощности.

Очевидно, дело не в том, какой формат выступлений найдет Глеб вместе со своим продюсером и вообще, чем он будет заниматься. Эти проблемы оказываются за рамками сюжета. Автору важно было показать его готовность к серьезным жизненным испытаниям.

Чтобы понять финал, стоит вспомнить о названии произведения. Если в романах «Лавр», «Авиатор» самым названием подчеркивалась главная роль центрального персонажа, то в данном случае акцент очевидно смещен. Несколько раз по ходу развития сюжета, но без связи с ним возникало название города Брисбена в далекой Австралии. При этом не было никакой конкретики. Изначально Ирину, мать Глеба, привлекло само слово, его звучание, красивое, таинственное. Пожалуй, больше слово, чем реальный город, так названный, становится символом мечты. Не случайно вводятся в текст реплики о том, что никакой Австралии нет, что она выдумана, о том, что жители ее — каторжники — какая уж там романтика.

С начала и до конца город Брисбен связан с образом мамы. Она вроде бы туда и уехала, хотя смерть настигла ее на родине бывшего мужа — Украине. Но, как уже говорилось, мертвой ее никто не видел, поэтому смерти как бы и нет. Открытым финалом заканчивался «Авиатор» — писатель не показал смерти героя ни на больничной койке, ни в авиакатастрофе. Уходит он от главной сюжетной линии и в финале романа «Брисбен». Читателю важно не конкретное решение, а направленность взгляда писателя, его внимание к душевному миру героя, его умение видеть сильные и слабые стороны человека, его готовность понять.

1. Водолазкин Е. Брисбен. М.: АСТ, 2019. 410 с.
2. Толстой Л. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1987. 576 с.

References

1. Vodolazkin E. Brisbane [Brisbane]. Moscow, 2019. 410 p.
2. Tolstoy L. Smert' Ivana Il'icha [The Death of Ivan Ilyich]. Tolstoy L. Works in 12 vols, vol. 11. Moscow, 1987. 576 p.

Gordovich K.D. Tradition of a sudden and pivotal twists of fate in the modern Russian literature (Eugene Vodolazkin's novel "Brisbane"). Taking Eugene Vodolazkin's novel Brisbane as an example, this paper follows the way in which contemporary prose authors develop the tradition of testing their protagonists with a sudden and pivotal twists of fate. In classical literature, testing the morals of the protagonist most often came on the brink of death. For Vodolazkin's protagonist, the crisis comes in the form of Parkinson's disease, non-fatal but also incompatible with the professional life of a guitar virtuoso. The motif of death plays an important role in the development of the narrative. By alternating between Gлеб's diary entries detailing his current condition, and his memories of the past, the author allows the reader to witness a whole series of drastic twists of fate that occurred at different points of the protagonist's life. Comprehension plays the most important role in the interpretation of both the separate episodes of the protagonist's life and his persona as a whole. The authorial intentions come through in his choice of a finale that steps away from concrete decision and actions and towards the symbol of a dream, provided in the title of the novel and connected with the image of the mother of the protagonist.

Keywords: fate, death, disease, test, trial, comprehension.

Сведения об авторе. Кира Дмитриевна Гордович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Высшая школа печати и медиатехнологий (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0001-7265-1425; grdvkda@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Гордович К.Д. Традиция изображения кардинального поворота судьбы героя в современной русской прозе (Е.Водолазкин «Брисбен») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 29-32. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).25-27

For citation: Gordovich K.D. Tradition of a sudden and pivotal twists of fate in the modern Russian literature (Eugene Vodolazkin's novel "Brisbane"). Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 29-32. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).25-27